

18+

Софья Ладкина

Пустота

Софья Ладкина

Пустота

«Издательские решения»

Ладкина С.

Пустота / С. Ладкина — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Женья — обычный бухгалтер, работающий в Москве
на небольшое предприятие. Его жизнь неплоха. Есть квартира в новостройке,
любящая жена и ребенок. Он должен быть доволен своей жизнью. Но его
постоянно тяготит мысль о переменах. И вот из-за одного несчастного случая
он теряет все и по ошибке оказывается в мире смертников. Жене предстоит
пройти долгий путь, чтобы попытаться найти выход к дому. Книга содержит
нецензурную брань.

© Ладкина С.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Первая ступень	9
Начало	24
(Вторая ступень)	24
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Пустота

Софья Ладкина

© Софья Ладкина, 2026

ISBN 978-5-0071-4220-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Мир, в котором мы живём — это иллюзия.

Мы сами себе не хотим в этом признаваться, ведь боимся, что эта иллюзия рассеется и наша жизнь перестанет быть такой, как раньше. Новые пути заблуждения всегда рождаются у нас в голове, когда нет решения к какой-то очень сложной задаче, пройдя через муки которой отрешиться от них станет легче. Мы выбираем удобные нам проблемы, которые не смогут дать тот опыт, что необходим для выхода из рабства своих собственных необдуманных действий, которые приводят к гибели смысла нашей жизни и образуют скучную повседневчину вместо нее.

Мир утонул в своих мечтах и стремится сделать все, чтобы люди жили в обмане. Он предлагает решения маленьких людских проблем, ведущих якобы на свет, чтобы им казалось, что они живут сладкой, светлой реальностью. Люди очень любят и ведутся на эту проказу лени и простоты. Для веры в это, уж взгляните, создана целая система для нашего с вами конца света, чтобы ни один лучик реальности не проник сквозь обман и случайно не подсветил нити, за которые нас тянет проказа. И это заводит общество в крошечную тьму. Снять очки ни у кого не побудит страсть, ведь все привыкли получать то, чего сами на самом деле не хотят:

Люди, вечно затянутые в жерло работы с удочкой на голове, на крючке которой болтается купюра не понимают или более того не хотят понимать, что могут изменить себя и мир вокруг них. Они оправдывают свое положение в обществе и верят в те слова, которыми оправдываются, таким образом погружаясь в бессмысленные хождения вокруг ничто, в которых страдают по своей вине. Им мешает общество.

Постепенно во всех сферах нас заставляют прийти к стандартам. Система заставляет нас думать, как все, а когда приходит момент, когда ты замечаешь в себе какие-то особенности, не как у других, тебя либо признают, когда это выгодно, либо из зависти или неоправданной опасности заставляют тебя прийти к дисциплине, тем самым исключив твою индивидуальность. Вы хоть знаете как люди эгоистичны. Знали бы вы, сняв свои дурацкие очки, что они вытворяют. Ведь это настолько стало нашей повседневностью, что замечать этого нет смысла, когда ты сам такой-же. Теперь это в корне не изменить, ведь на этом построена вся система, дающая нам право быть частичкой общества.

Ох уж эти формальности. Почему мы должны все от всех скрывать? А мы должны. Например, вот вы. Даже вы не сможете признать того, что человек, сидящий за этой книгой — человек, который хочет получить личную выгоду, наплевав даже на мои слова, ведь настоящий посыл знать не обязательно, а книга — способ отвлечься от телефона, но страдания в конце все равно придут не в мою сторону, а в вашу неприкосновенность, хотя сказать об этом нельзя, по крайней мере напрямую вам. А почему? Да потому, что говорить об этом вслух будет считаться неприличным жестом, обидным и низким, хоть это и правда. Все дело в поддельном уважении. Дорогой читатель, я верю, что вы мой истинный слушатель, но так или иначе, все мы, (и даже я, как бы не было лицемерно об этом писать, но я же тут расписываю правду!), питаюсь этим поддельным уважением, держим наши связи в разнородных сферах. Работа, семья, друзья.

Если общество не будет вариться в своих не гласных правилах, то в мире наступит хаос. Но люди не замечают, что прямо здесь и сейчас он существует. В нашем разнообразном, казалось бы, равноправном обществе.

У нас нет свободы. А не свобода — это равенство, никакого расизма, сексизма, фашизма, никаких бунтов и революций, все должно быть стабилизировано (в рамках). Я не говорю о том, что в общество должны вернуться животные потребности в сексе, еде или то самое превосходство мужского пола над женским, что часто любят оспаривать радикальные феминистки. Это бы поработило созданные человеком и его возвышаемым разумом прелести нашего современного мира. Он так далеко продвинулся в собственных свершениях, что загнал себя в рамки. Длинные исторические эпохи, столетия, периоды в жизни человечества — это своеобразная спираль, в которой общество снова и снова старается загнать себя в цирковой круг нравами, идеологиями, религиями, пока те, кто вышел за эти рамки не закольцует то или иное общество в новый цирковой круг. Наш современный мир отличается лишь тем, что мы заиклены на своих правах. Как будто все свихнулись на том, чтобы жить в комфорте, а сделали наоборот. А вот и парадокс, основанный на реальности. Обычно принято не замечать этих деталей, потянув за которые, свитер, на коем связана эта система, развяжется и рухнет. От этих стандартов и правил становится тошно. Они везде и повсюду. Ты не свободен. Даже с друзьями ты не имеешь право на то, на что обычно клали болт люди, которые препятствовали созданию этого нового кольца. Людей, имеющих разум и личность. Если их будет меньше, то все друг друга перебьют, либо создадут правила для тех и иных обособленных групп, пробудится власть, а затем все по накатанной, вплоть до нашего устройства общества и его идейной монополии. Все рано или поздно заиклится. Неизбежно. Все, что имеет рамки в нашем мире, считается нормой. Речь идёт о несвободе в свободном обществе.

Многие люди не завязывают мысли подобного рода потому, что быт не даёт им этого сделать. И правильно! Когда твои мысли обретут логический смысл, за ними последуют действия, имеющие определенный посыл, который может разорвать эту самую систему. Ища сторонников, можно прийти к революции своей и жизни других людей. Но, зачем же все это? — говорит голос, который принуждает видеть через призму собственной жизни, так же находя выгоду от чужих эмоций, действий и прочего. Можно подумать, что мы живём в утопии, но это неправда. Если прибегнуть к Библии, то мы по сути своей обречены из-за нас самих. Для создания такого мира много работать не пришлось, если учесть, что мы шли к этому постепенно много веков, обращая мифологию в науку, а деньги в религию. Достаточно было изначально включить рожденного человека в не нарушающие его логику иллюзии, навязывая их свободную политику или заставить его идти к той же стандартной цели жизни, говоря ему, что он живет за счет этой «свободы», построенной предками и его поглотит новая религия, а о крахе нашего общества он даже подумать не успеет.

Но если человек вдруг осознает, что общество ведет его не по тому пути, он создаст новую эпоху со своими рамками. Главное понять, как насовсем выйти из этой системы, ведь как бы ты не старался — ты есть ее часть, которая идет новым кольцом следом за тобой.

В жизни каждого человека общество включает в него свою долю правды и лжи. Человек сам с возрастом начинает понимать и различать их. Самой подоплекой является то, насколько он способен найти смысл бороться с этим. Но ни у кого, кто успешно обрел свою собственную ту самую иллюзорную рутину, в которой варится и по сей день, ещё не было безумного фанатизма по этой идеи, а все потому, что общество всеми силами старается нас уберечь от страшной индивидуальности, сепарирования от своего прежнего всевыгодного я и оппозициях, ведь

в конечном итоге, ты становишься психом и посмешищем, которого надо любить и вернуть обратно в иллюзии.

Посвящено всем людям, которые хотят найти способ научиться жить не так, как они живут сейчас и уйти ненадолго от «реальности», поняв, насколько безумно они тратят свои жизни только на выживание в закольцованном обществе.

Первая ступень

Я хочу понять, что не так я делаю. Почему я не являюсь победителем этой жизни.

Я мог, но просто не захотел. Мне легче прожить под чьим-то влиянием, даже если это мне не понравится, но такова по моему мнению судьба. Я должен бы благодарить ее, что она даёт мне шанс поступить иначе в своей жизни и сделать её более насыщенной, а не жалеть потом, что упустил его, но вместо этого я плюю на все, несправедливо ссылая обвинения в том, что делаю по своему собственному выбору. Пробудят ли меня когда-нибудь от моих заблуждений? Ведь я не уверен ни в чем.

Мне легче жить на земле и питаться тем, что дают, чем попытаться взобраться на дерево и достать с него красивые плоды, наслаждаясь ими после. Но жить на земле тоже трудно: постоянно наткаться на проблемы, устранять их теми или иными замысловатыми способами, придумывать все эти способы, слышать оскорбления в свой личный, казалось, недостижимый всеми адрес за ошибки, принимать их как должное, забыть о своей гордости и чести, дабы угодить толстому от его раздутого самомнения мужику, сидящему в своём кабинете в начальственном кресле. А ты трудишься в пропахшем потом офисе без возможности выйти, пока тебе не предложат покурить в обеденное время. Такова моя жизнь.

И не только моя, она такая почти у всех. Хотелось бы чтобы она была не такой, но я выбрал этот путь сам. Есть люди, которые работают не в угоду себе, живут как хотят и делают, что хотят, но у них есть стимул для такого быта, требующего воли и настойчивости. А ещё они готовы полностью принять или бороться с последствиями, чего не могу, а вернее не хочу я. С большой силой приходит большая ответственность. Моя личная свобода бывает только в те моменты, когда я беру себе отпуск, чтобы поехать вместе с друзьями насладиться природой, а потом пить до самой ночи.

Детство. Не то, чтобы страшное. Бабушка умерла, когда мне было четырнадцать. Мать просто не справилась. А отец. Не знаю где он. Да и не волнует. Давно его к чертовой бабушке послал. Детский дом, дворы, отсутствие друзей. Я встал на ноги сам. Конечно, звучит очень трудно и так оно и есть. Куча непредвиденных ситуаций, которые могли меня сломать, сломали бы многих, но не меня. По крайней мере в семье, которая все-таки присутствовала в моей жизни какое-то время, любовь не была исчерпана бедностью или ссорами. Да и сейчас, я не обделен ничем. Живу, как живется, деньги есть, хорошая большая столица, обычная работа. Но мечтания иногда заводят во тьму.

Они являются моим источником волнений. Я боюсь собственных мыслей. Желаний, которые невозможно осуществить. Сожалений, которые окутывают меня все сильнее из года в год. Есть ли во мне зависть? Не знаю. Но точно скажу, чем я беден и по сей день. Я беден уверенностью. Страх потерять все, страх стать старым, страх стать зависимым от кого-то или чего-то. Страх быть частью большого мира. А значит, страх стать посредственностью. В конце концов, я не един с миром только лишь из-за того, что я не един с собой. Такова моя жизнь.

— Ай!.. — незаметно Женя споткнулся об коробку рядом с бомжом, в которой были неаккуратно сложенные грязные вещи и пара сотен рублей на них. Он продолжил идти по серому опустошенному району где-то в недрах Москвы, пока не добрался до метро.

Снова на работу. Снова метро. Снова Москва.

Обыденная серая Москва. Многоэтажки, дворы — многоликая пустошь, оборачивающая мысли в поток бессвязных и печальных домыслов. На каждый дом среди панелек приходится одно фиолетовое окно.

Черные коротенькие волосы с уже проступающей кое-где сединой в двадцать пять лет; неприметные узенькие карие глаза, которые не выражали яркость уже довольно долгое время; костюм, состоящий из белой чистой рубашки, черные штаны и пиджак; старые часы, надетые на запястье, отстающие на час и маленький офисный мессенджер, зятанутый на плече. Таких одинаковых ходило каждое утро все метро.

Ожидание всегдашней утренней поездки на поезде вызывало прилив тошноты, но иногда случалось и непредвиденное: в одно такое же унылое утро Женя заметил, как с виду опрятный мужик лет сорока пяти в сером кардигане с Достоевским в руках, попытался сфотографировать через книгу привлекательную старшеклассницу, когда она села в вагон рядом с Женей на старые коричневые сидения зеленой ветки. Он почувствовал себя героем, когда предупредил девушку о его гнусной попытке. После того, как мужчина неохотно показал свою галерею взбешённой цели, в ней, слава богу, оказалась только его размытая фотография, где он негодует, что потерял ценный порно материал. Девушка поблагодарила Женю и вышла на следующей станции, на всякий случай придерживая полу своей школьной формы. На протяжении всей той поездки, люди, заметившие эту сцену, посматривали на него с некоторым уважением, но старались не привлекать внимания, а мужик сидел, понуро глядя в пол, дабы не быть униженным ещё больше и не встретиться взглядом с другими людьми, которые, конечно, показывали осторожность и неприязнь.

Поезд подошел к нужной станции. Надо было выходить, но хотелось пробыть дольше в той обстановке, когда хоть кто-то может заслуженно уважать тебя за отважный поступок, ведь на работе такая обстановка вряд ли будет реальностью. Хотя уважать там, конечно, могут, но все это ради продуктивности дела и поддержания коллектива, а не ради поддержки тебя самого. К тому же это всего лишь игра, а не настоящее чувство уважения к человеку. Иногда хочется понять и простить людей, которые изо дня в день пытаются коммуницировать с тобой, ради выгоды. Но быть честным тяжело, поэтому приходится носить всеми известную общественную маску, надев которую ты не сможешь себе позволить выплеснуть настоящие эмоции, ведь они создадут последствия. Например, после того, как ты сделаешь что-нибудь хорошее для коллектива, когда ты будешь в самом что не на есть хорошем настроении, они будут ожидать от тебя хорошего и дальше, а потом, когда разочаруются, перестанут воспринимать тебя, как перспективу наживки. Просто будут молча поглядывать со стороны, ожидая твоего того состояния, при котором ты делаешь добро исключительно в целях милосердия. Поэтому всегда хочется держаться баланса между собой истинным и собой другим, который имеет только одну цель: заработать больше денег.

— Станция Коломенская. Уважаемые пассажиры, пожалуйста, не оставляйте вещи в своих вагонах — протрубил женский голос в тишине остановившегося поезда из старого автоматического информатора, от чего слова казались еще громче и резали уши. Оттуда же через несколько секунд объявили о закрытии дверей, после чего нахлынул лёгкий поток воздуха и поезд отправился, перевозя в своих железных массивных вагонах большое количество уставших душ. Когда поезд прибывал на следующие станции, стараясь вместить весь свой состав, люди волной пробирались сквозь толкающийся поток спешащих, чтобы зайти в вагоны и успеть

захватить кусочек сидения или принять удобное положение стоя для чтения романа или новостей.

Женя зашел в вагон и состав двинулся с места, все больше набирая скорость, пока трубы и темные тоннели не начинали мелькать в глазах, словно в двадцать пятом кадре.

Это лето выдалось очень жарким, поэтому в офисе все чаще можно было слышать, как кто-то идет ополаскиваться в уборной. Из окон пробиралась невыносимая духота. Маленькое некомфортное помещение входило в огромную многоэтажку. Из стен доносились звуки принтера, жалующихся голосов и клавиатуры. Иногда соседний кабинет под конец дня заливался смехом или криками, а в отделе, где работал Женя, никому не было дела до веселья. Только тишина и усталость. Все ждали сокращения рабочих часов и поскорее хотели уйти в отпуск.

— Этот засранец? — возбудился в разговоре по телефону Алексей — руководитель бухгалтерии, в которой работал Женя. В компанию главным бухгалтером по производству манекенов Алексей прибыл почти сразу после университета, по совету его горячо любимого преподавателя, у которого он заслужил доверие и стал его другом, чем гордился почти на всех пьяных посиделках. Он всегда говорил, что трудился в поте лица, доказав может самому себе, каких высот он достиг и что он ни для кого не собирается быть обузой и лентяем. Но все, чего он достиг на сегодня было лишь неумелое руководство и вечное умывание рук от обязанностей.

— Леша, никто не знает, кто вышел в тот день. График надо было в лицо ему ткнуть. Он же молодняк, емае. — послышался ответ из трубки.

— Ладно, не будем такими пессимистами. Наверное, кто-нибудь сверху, кто учетом занимается должен однажды заметить его «халяву». Я не один такой уставший. — Алексей закрыл трубку рукой и обратился к Жене:

— Слушай, ты можешь распечатать график за май? Он в моем компе, где-то за этот год папка должна быть. Сделаешь? Спасибо.

— Через пару минут схожу.

Алексей не обратил внимания на его ответ и продолжил говорить с собеседником по телефону, а Женя прошел мимо него по старому длинному коридору к туалету. Ссать в таком месте такая себе забава. Стены будто давят, грязный потолок отваливался мелкими кусочками дешевого материала, хлипкая деревянная дверь еле закрывалась, ей что-то мешало и наконец одиночество единственной общественной комнаты на весь этаж создавало ощущение, что всего через несколько секунд кто-то обязательно постарается открыть дверь, а потом извиниться, понимая, что там сидит Женя и что ему надо поторапливаться, ведь он не один.

Затем Женя вернулся к своему душному рабочему месту. Тут встала глубокая тишина и только редкие машины проезжали вдоль дороги. Зато глубоким вечером здесь было довольно шумно и все окна плотно закрывали, чтобы не слышать ревущие мотоциклы, спорткары или пьяных студентов и нормально закончить все письменные дела.

— Слушайте, мне кажется или стало чуть свежее? — поинтересовался один из коллег, махая рукой в поисках струи долгожданного воздуха.

— Ну да, кондиционер починили еще вчера. — сказал пришедший и освежившийся молодой сотрудник по имени Виталий.

Женя тоже почувал прохладу и пустил пятерню в редкие черные волосы.

— Красота. — сарказм и облегчение одновременно вырвались из его голоса.

«Жаль, надо опять что-то делать. Я будто лысею. Отстой.»

К вечеру кто-то, зевая, начал собираться домой, а кто-то остался работать дальше. В офисе стало тихо и даже как-то неуютно. Женя решил встать и немного пройтись, захватив сигареты из кармана пиджака.

Вешалка стояла около стены, что было неудобно. Тот, кто вешал на нее верхнюю одежду, уходя, невзначай задевал рукава о пыльную от краски ворсистую поверхность. Женя встал у вешалки и задумался, глядя на стену. На таких обшарпанных обоях от усталости всегда начинали проявляться узоры. Тут стоит буровая установка, которая пытается добыть воду на дне кулера, рядом с ней голый человек строит фигурку из плоских камней, а над огромной машиной летает человеческий живот, нависая облаком над неизвестной офисной цивилизацией. Женя пришел в себя и вышел из офиса. В здании на каждом шагу стояли дешевые горшки с невзрачными и увядающими растениями. Мирно и тихо принимая свою участь, словно монахи, они напоминали сотрудников, которые незаметно также приходят к такому жизненному заключению.

Выходя покурить на балкончик, Женя вгляделся в самые темные уголки шумного города. Каждый раз забываясь на рабочем месте, странное чувство преследовало его в конце рабочего дня. Смотря вдаль, вдыхая дым, темные уголки оживали наяву. Там лампочка вдруг загорелась, тут велосипедист проехал мимо, машина с яркими фарами осветила дорогу. Это чувство является противоположностью одиночества. Будто разом все что-то от него хотят. Он не может найти безопасное место, укрытие. Даже взглядом. Всегда что-нибудь да помешает ему остаться одному. И никогда он не оторвется от этой суеты. Шума. Бежать некуда и смотреть тоже больше некуда, потому что даже темные уголки в этот же миг станут смотреть ему в ответ. Дым улетает прочь. Дверь снова закрывается, и Женя идет собирать мессенджер домой. Сквозь увядающие цветы и узоры на обшарпанных стенах.

Тут Виталий, стоя дожевывая бутерброд с колбасой, спросил:

— Жень, ты не хочешь сходить со мной выпить? Я знаю тут неподалеку один недавно открывшийся бар, похоже, там хозяин бывший владелец винного погреба. Я угощаю?

— Не, у меня дома дел много, я пойду, удачно добраться! — он не хотел сегодня компании.

— Ну, как знаешь, — он положил контейнер в свою сумку и сел обратно за стол.

— Что, до ночи решил остаться?

— Ну, раз уж мне не с кем пойти, зачем тратить впустую лишние силы? У меня и семьи то нет. Я лучше поработаю тогда.

— Ничего, тебе же еще не сорок, успеешь. Ну ладно, бывай!

— А ты думаешь, что в сорок уже поздно?

— Не знаю. Ну как-то сорок это уже закрутки с огурцами, а не поиск любви, но успеется в любом случае.

Виталик улыбочиво покрутил головой, как-бы не соглашаясь с ответом и через минуту сказал, наблюдая, как Женя собирает монетки:

— До встречи.

Женя продолжил молча складывать остатки бумаг и затем пошёл по коридору, ведущему к лифту.

На улице все так же было жарко, создавалось ощущение инкубатора, закрытого от внешнего мира. Но лёгкие порывы ветра, время от времени налетавшие вокруг, очищали разум и давали немного облегчения запотевшему телу, прежде чем улетучиться. В одном из переулков вдруг послышалось протяжное «мяу» и показалась красивая грациозная серо-белая кошка. Она блаженно потянулась и мягко двинулась в сторону Жени. Стараясь всеми силами понравиться, она потерлась о его брюки, но человек внезапно куда-то ушёл, а через пару минут, когда кошка в недоумении продолжала мяукать, он принёс пачку дешевого корма и думал, куда же его насыпать. Он заметил рядом старую пластиковую баночку от морской капусты и насыпал корм туда, а кошка в ожидании продолжала тереться о его ноги, а затем и руки, подбираясь все ближе к еде. Когда он убрал руки от миски и выбросил пустой пакетик в мусорку, кошка с жадностью начала есть.

Тут внезапно раздался чей-то скрипучий мужской голос из того же угла, и Женя только тогда заметил странного старика в лохмотьях, которого видел вчера вечером, запнувшись о его коробку. Он медленно поднялся с асфальта и продолжил, скривив странную кровожадную улыбку засохшими болезненно-бледными губами:

— Какой вообще смысл кормить и тратить деньги на этих бездомных животных? Она ведь все равно не будет счастлива на улице, даже если ты будешь её кормить. Она будет страдать, не имея теплого дома. Кошки не умеют завидовать, нет, но представь, сколько у неё проблем за день и все время есть шанс погибнуть, попав под машину или захлебнувшись, утонуть в канаве, в погоне за едой. За мышью, у которой больше неприятностей и она будет счастлива видеть кошку мёртвой. Так и так ты ей не поможешь, просто возьми её домой и сделай её новым членом семьи. Вот тогда ты ее по-настоящему выручишь. Что скажешь?

— О, я не могу взять её домой. У меня аллергия. — с лёгким недоумением ответил Женя, переводя взгляд на кошку. Он удивился, что человек, явно проживший немало лет на

улице, мог так хорошо изъяснять свои мысли. Будто он не бомж, а ангел, спустившийся, чтобы поучить его добру в таком странном виде.

— Всегда людям приходится чем-то жертвовать, чтобы получить свое, но извиняться тебе не стоит, ведь ты невиновен в этом, как и кошка невинна в том, что ей приходится ловить мышей ради выживания.

— Простите, времени слишком много. Я пойду. — взгляд со странной улыбкой из-за угла вводил в неловкость. Он взял свой портфель и чуть быстрее, чем обычно, направился в сторону метро, а старик с негодованием цокнул и присел на корточки, наблюдая, как кошка поглощает ужин, купленный Женей. По дороге к станции, он попытался забыть на этого странного бездомного и написал сообщение домашним, что скоро приедет, а затем, когда вошёл в заполненный вагон, стал проходить уровни в своей «три в ряд», приняв удобную позу, чтобы ни с кем не столкнуться при сбавлении скорости поезда.

Дома была теплая атмосфера. На входе Женю с возгласом встречала пятилетняя Аня, держа в руках листок бумаги, на котором было изображено что-то зелёное.

— Папа вернулся! — прокричала девочка, и папа взял её на руки.

— Смотри, я нарисовала Ньюшу, она сидит на кувшинке и ждёт тебя с работы. — на рисунке была изображена лягушка, которую она очень любила, ведь из-за ее аллергии им пришлось отказаться от пушистых приятелей, и она выбрала древесную лягушку.

— Молодец! Не надо меня дожидаться, чтобы я ее кормил. Чего вы боитесь? — спросил Женя, обращаясь к уставшей низенькой женщине с длинными ухоженными светлыми волосами и аккуратным очертанием лица. На ней был одет темно-красный фартук, облегающие черные лосины и серая вязаная кофточка. Она оперлась о стенку и с усмешкой наблюдала за происходящим своими зелеными отражающими свет лампы глазами.

— Жаба твоя подождет. — вздыхая, проговорила она. — Пойдем есть.

— Она не жаба! Она лягушка... — возразила Аня.

— Какая разница? Она вся мокрая и ее неприятно кормить. Я думаю, Жень, если бы ты боялся всяких личинок и тараканов, ты бы также возмущался. — Аня рассмеялась — Они еще стоят дофига, просто обалдеть. Лучше бы завели попугая какого-нибудь. — Маша посмотрела на Аню и у той тут же пропала улыбка.

Недолго думая, Женя снял пиджак и прошёл в ванную, чтобы помыть руки.

— Почему от тебя воняет кошачьим кормом? Ты снова подкармливал их? Они же все воняют, и бешенство не дай бог подхватишь. Может, хватит? Всех все равно не накормишь.

— Тут бояться нечего, сегодня была только одна. Надо бы Ане дать лекарство от аллергии, я же держал её на руках.

— Неужели ты наконец нормально заботишься о ней, а не о своих бездомных кошках? Я удивлена — саркастично произнесла Маша.

— Не будь такой жестокой, я просто жалею их и все. Сегодня, кстати, ко мне подошёл какой-то старик и заставил меня постыдиться за то, что я не дал этой кошке место в нашем доме. Я ему объяснил, что у нас есть аллергия, поэтому и не могу, и знаешь, что он сказал?

— Да и ладно, че он там наплел. Таких котов сейчас миллионы расхаживают. Вопрос только в том, что будут делать эти защитники животных.

— Одних отлавливают, другие рожают. Бесконечный круг какой-то. Короче, этот старик сказал, что людям приходится всегда жертвовать чем-то, чтобы, мол, жить в комфорте. Наверное, он имел в виду, что я оставляю эту кошку на улице, чтобы Аня жила лучше, чем она. Бред какой-то. Не я же приручил эту кошку, а потом бросил на улицу. Не я ведь, а почему-то стыдно стало мне.

— Ну, пожилые люди всегда говорят, что ни попадя. Они ведь все-таки прожили целую жизнь и за свои грехи как-бы пытаются помочь остальным людям быть милосерднее. Не бери в голову. Садись уже, я суп приготовила с куриным бульоном, а к чаю у нас небольшой яблочный пирог. Ты не представляешь, насколько сильно я обожглась, когда доставала его из духовки.

— Будь аккуратней в следующий раз, а то вся кожа превратится в такое же тесто, как у этого пирога. — добавил он, смотря в проем в ванной комнате на кухонный стол, на котором лежало угощение.

— Папа, папа, Нюша ждёт тебя в моей комнате, ешь быстрее. — протянула Аня. Женя усмехнулся, и все сели за стол. Маша взяла три ложки и когда поставила одну из них напротив него, то на секунду остановилась, чтобы он посмотрел ей в глаза.

— Жень, а почему ты тратишь деньги на корм для бездомных котов? Ты так весь наш бюджет потратишь.

— Мне их жалко, вот и все. Я же говорил.

— Пусть тот старик их и подкармливает. Сам же и напросился на это, говоря такие вещи.

— Нет. Я понимаю тебя, но все же тот корм стоит недорого. Я беру самый дешевый. Представь на минуту, как эта кошка сейчас бы погибла от голода, если бы я ее не покормил. Я не хочу потом вдруг наткнуться на труп у себя под ногами.

— Папа заботится о котах. Они очень милые. Я хочу их гладить!

— Поэтому тебе не стоит их касаться. У нас и так уходит много денег на твои лекарства от аллергии, а ты все не слушаешься нас и поэтому у тебя так много красных пятен, от которых ты начинаешь плакать.

— Маша, ну прекрати. Пусть их гладит, может иммунитет вырабатываться начнет.

— Идиот. — фыркнула она и принялась за ужин. Аня притихла, понимая, что родители опять ругаются и опустила голову в тарелку, будто это помогало не слышать все, что происходит на кухне.

К ночи усталость забрала энергию, а спина начала болеть в самый неожиданный момент, дополняя отсутствие силы и легкую сонливость. Женя подумал о том, как было бы хорошо, если бы они жили не в Москве, а где-нибудь в лесах Америки или хотя-бы в Туапсе. Быстрый город, в котором он родился наскучил за сорок с лишним лет и жизнь здесь абсолютно выгорела, опустела. Пусть Москва — столица, тут есть успех, деньги и любовь, которую, к слову, теперь можно купить, даже несмотря на известное выражение, но все это нереально. По крайней мере для тех, кому уже не навязать более сложный стимул, чем счастливая жизнь. От Москвы хотелось убежать, спрятаться. Тут ловить нечего. Надо что-то менять. Женю уже не первый год донимала эта мысль. Все было не так. Будто он и вовсе не жил, а лишь имитировал себя. Словно он был в компьютерной игре, но скоро он оторвется от контролера и погрузиться в настоящую жизнь вне экрана. А эта жизнь останется на жестком диске, и Женя никогда больше к ней не вернется или даже удалит ее. Его рассуждения перебила Маша, лежавшая рядом на кровати:

— Как ты сегодня? Ничего нового на работе не было? — она посмотрела на него сквозь темноту, пытаясь разглядеть лицо.

— Да нет. Как обычно. — Женя лежа посмотрел в окно, которое выходило на новенький высокий жилой комплекс. Маша положила руку на его бедро.

— Мне жарко, не надо. — Тут он увидел, как в окне появился кошачий силуэт. Звуков он не издал. Хвост змеей проскользнул по оконной раме и исчез. Женя быстро поднял голову, но тут же успокоился, отогнав видение.

— С тобой все хорошо?

— Я в порядке. — он продолжил смотреть в окно, чтобы вдруг не пропустить силуэт еще раз. — Сейчас нам обоим тяжело. Ты крутишься по дому, как заведенная и заботишься обо всех, а я пытаюсь получить повышение. Ничего, скоро мы заживем по-новому, я надеюсь. — в его словах просочилась неуверенность, а затем какие-то неясные оттенки злости. Вдруг на окне снова появился кот, и Женя понял, что это была лишь тень от здания, созданная под лучами фонарей, державшихся на фасаде. — Хочу вырваться из этой работы на пенсию или хотя бы устроиться на другую, чтобы снова не разбивать будильник, как неделю назад. — возмутился он, обиженно повернувшись лицом к Маше.

— Не перенапрягайся, быстрее умрешь. Ладно тебе, завтра рано вставать. Спокойной ночи, — и, выключив свет, Маша повернулась на другой бок.

— Спокойной ночи.

Ее тон был уставшим, но нежным.

Усталость. Лучший способ уснуть, но с недавних пор перед сном Жене не давало покоя ощущение где-то глубоко внутри, будто в желудке или в печени, что это долго не продлится. А что долго не продлится? И сколько это «продлится» в месяцах или даже днях? Чего стоит

ожидать еще от этой Москвы, от отсутствия перемен? Это ощущение легким волнением застревало на одной точке в желудке и ускользало, как только Женя отрывался от мечты и подтягивал к себе одеяло.

— Я ушел. Сегодня вернусь поздно.

— Что, опять? — рассердилась Маша, понимая, что Женя уже не в первый раз собирался вечером слянуть в неизвестном направлении. — Тебе мало прошлых выходных?

— Ничего, я ненадолго. Надо же мне хотя бы один вечер провести в компании коллег. Они меня, знаешь, недолюбливать начали из-за того, что я вечно ухожу домой по вечерам.

— Это твое дело, куда ты идешь, а не их, Женя. Сегодня я, может, и отпущу, но на выходных даже не смей притрагиваться к пиву!

— Как скажешь, может, я даже и не собирался. И хватит ревновать. Где мой пиджак?

— Вот, погладила. Иди уже, а то опоздаешь. — Усмирив оценивающим грозным, но домашним взглядом, она помогла ему одеться.

— Спасибо. — с некоторым сарказмом, но любя, сказал Женя и искренне улыбнулся — Ну все, я пошел. — Он быстро чмокнул ее в щеку и открыл дверь.

Когда они брали квартиру в ипотеку в этом многоэтажном доме 2012 года постройки, они надеялись, что их соседи окажутся приличными людьми, так как не каждые пьяницы или наркоманы способны платить за такое весьма дорогое жилье, но несмотря на то, что этот дом даже близко не напоминал хрущевку или сталинку, мерзавцев тут было не мало. Поэтому каждый раз, как Женя выходил в подъезд, под дверью его всегда ждал сюрприз в виде груды мусора из соседней квартиры.

Вот и в этот раз ему снова пришлось убирать смердящие протухшими овощами и яйцами пакеты подальше в угол площадки. Когда он вышел на улицу, в лицо сразу же ударил горячий воздух, а от только что поглаженного и теплого пиджака тело начало исходить потом, поэтому его пришлось снять и всю дорогу держать в руке. Около дома милая и зеленая ухоженная аллея с молодыми пушистыми деревцами тянулась вдоль маленькой улицы Домодедовского района и прогуливаясь по ней до станции, Женя заприметил молодую пару, которая в этот рабочий жаркий день спокойно и беззаботно танцевала возле маленького фонтана. Рядом с ними лежали разные ткани и сумка. А из нее выглядывал черный глаз очень странной, но захватывающей внимание красной маски. Медленноводя по кругу девушку в старомодном голубом платье с юбкой ниже колен, неопрятный мужчина, похожий на неудавшегося косплеера викинга и с небритым лицом сказал ей:

— Как я могу забыть ее? Вы просто наглая, подруга. Если бы я остался здесь, кто был бы там?

«Да уж — сказал Женя про себя и прошел мимо фонтана — вот это парочка. Репетируют что ли?» — он обернулся спустя пару шагов, но парочка исчезла. Женя посмотрел в разные

стороны аллеи и удивленный вернулся к фонтану, но все-таки не смог понять, куда они так быстро пропали из виду. Солнце начало прожигать затылок и отвлекло его от этой ситуации, поэтому он быстрее двинулся ко входу на станцию.

В метро, слава богу, была вентиляция, но ничто не могло спасти его от толкучки в вагоне поезда. Люди, стоящие вплотную животами и спинами раздражали, но что поделать. На работу ехать надо. По крайней мере не один Женя терпел такую участь. Но имело ли смысл быть в такой суматохе, когда он несчастлив? В другом случае, он же может и поменять работу, оставаться дома, ездить по странам. Но проблемы никуда не уйдут и мысль о смене жизни нисколько не обременяла его от осознания, что он остался середнячком.

«Сколько же можно терпеть это? Лица, все одинаковые, как под копирку. И я такой же. А если нет? Все-таки. Если я задумываюсь о таких вещах, я не должен быть середнячком. А может, об этом задумываются все, просто никто ничего не говорит вслух? Тогда это довольно печально, раз все умалчивают о своих „средних“ проблемах. Но ведь если все будут говорить о своих проблемах, не останется людей, готовых работать зря. Но я точно не хочу быть средним. Хоть так, хоть эдак. Должен же быть какой-то выход из этого дерьма?»

— Станция Коломенская. Уважаемые пассажиры, выходя из вагона, не забывайте свои вещи.

Вдруг пришло сообщение на телефон, и Женя достал его из кармана: Будьте осторожны!

«Интересно, с чего вдруг?» — подумал он и разблокировал экран. «Будьте осторожны! Завтра поднимется сильный ветер 15 м/с, обязательно возьмите с собой ветровку. — Понятно. Надо будет иметь в виду. Недавно же уши болели.»

Зайдя в офис, он заметил, как несколько пришедших раньше человек что-то бурно обсуждали, смотря при этом в компьютер и столпившись вокруг стола Алексея, который в это время отсутствовал.

— Эй, вы! Что там, порнуху увидели? — спросил Женя.

— А ты не знаешь? Вчера Алексей оставил включенным компьютер и тут всю ночь начали вылезать какие-то ошибки. Он, оказывается, на сайтах казино балуется. Не хочешь глянуть?

— Нет, спасибо. Я таким не интересуюсь.

— Как эту штуку выключить? — обеспокоенный громкими звуками от бесконечно всплывающей рекламой и ошибок, поинтересовался Виталий.

— Да ладно тебе, пускай сам выключит, когда придет. Кстати, сегодня у нас в планах на концерт пойти в соседний паб, снова с нами не пойдешь?

— Пойду. — четко ответил Женя.

— О, тебя отпустили? А то, как маленький ребенок со своей Машей мечешься, — игриво подстебали Женю.

— Угу. Только вот кто из нас еще ребенок. Я-то уважаю людей, особенно близких, а тебе со своими гулянками уже поди жить негде? — но слова Жени проигнорировали, потому что пришел опоздавший Алексей.

— Мы пойдем сегодня в Ирландский паб, а не как раньше, ты не против? — вопросительно посмотрели на Виталию.

— Нет, конечно. Знаю же, что концерт. А почему вы решили именно туда?

— Там просто дешевле, вот и подумали, что там будет лучше. Я в нем был однажды, поэтому могу судить.

— Понятно.

— Тут реклама матча по футболу высветилась, вот бы взять билеты. — сказал один из коллег, ближе подбираясь к экрану.

— Алексей, у вас тут ошибка высветилась, мы думаем, че делать.

— Хочешь купить билеты, тогда больше вкалывай. Нечего отлынивать!

— Сейчас только начало дня. — когда он прошел мимо, негромко прозвучало: — Бесит.

Коллеги продолжили дискутировать, а когда Алексей, вывесив пиджак на вешалку, подошел к компьютеру, некоторые ушли на свои места.

День выдался жарким, как и вчера, ведь был еще июль. Несколько сотрудников ушли в отпуск, поэтому в офисе стало легче дышать, но многие даже не выходили покурить, чтобы не вспотеть лишний раз из-за солнечного пекла. В обед все же пришлось выйти, чтобы проветрить и освежить офис и Женя, вместе с Виталием решил зайти в местную забегаловку. Внутри все пропахло мясом и кофе. Старый таджик что-то готовил, повернувшись спиной к ним, а молодая нерусская девушка, грубо отвечая какому-то парню, стояла у кассы.

— Извините, можно нам пожалуйста, два американо, одну среднюю шаурму и хот-дог. Только не добавляйте туда морковь, пожалуйста. — стараясь привлечь внимание, сказал Женя. Девушка, услышав просьбу, тут же сделала улыбку и спросила:

— Это все?

— Да.

— В каком лаваш вам собрать шаурма? У нас есть сыр, чеснок и стандарт.

— Стандартный. Спасибо.

— Пожалуйста, с вас шесот пият рубля.

Женя расплатился и через несколько минут им выдали заказ.

— Я потом тебе переведу.

— Да не парься, Виталик. Я хоть и не богат, но не имею привычки отказывать людям в доброте. Ну и не только людям.

— Ну и цены тут, конечно, обалдеешь.

— Зато я уверен, что вкусно. — Женя откусил шаурму и соус пролился ему на руки. — Неплохо, правда я свинтус. Как тебе в нашей компании? Сколько ты уже с нами?

— Где-то третий месяц. Ну, ничего особенного. Думаю, что я надолго тут не останусь. У вас слишком, как бы мягко выразиться, скучно. Было бы намного интереснее создавать манекены вручную, а не бухгалтерией заниматься.

— На любой работе скучно. Я думаю, если бы это было не так, то люди бы разбогатели. Может, это было бы хорошо. Богачи, когда им не на что тратить деньги, начинают в такие моменты страдать всякой фигней и делать вид, что они помогают миру. Природа, все дела и прочая ерунда.

— Так это получается нищие люди виноваты в экологии?

— Ну, понимаешь, не все, но обычно таким людям некогда думать о спасении мира. Им бы прежде всего спасти себя, а уже потом, вот тогда! И умирают.

— В таком случае мы обречены. Нищих прибавляются, а вместе с ним и мусор.

— Не будь пессимистом. В твой век этого коллапса не произойдет. Будем надеяться.

— У всех есть шанс исправить свое положение. Та же Гретта Тунберг, например. Таких людей бы побольше и зажили бы по новой.

— Она сейчас в тюрьме. А кто осмелится повторить ее путь?

— Не знаю. — Виталий задумчиво продолжил есть хот-дог.

— Ну, тем не менее, важно то, что мы имеем сейчас. Хотя, надо бы что-то менять.

— Кажется, тебе тоже стоит уйти из этой компании.

— Почему?

— Я чувствую, что ты здесь одинок. Или несчастен.

— А что поменяется? Все равно я останусь тем же, если уйду.

— Неправда. За другой работой и жизнь может стать другой. Ты просто не пробовал. А чего боишься?

— Незнестности. Нестабильности. Хотя, впрочем, я не знаю, чего боюсь.

Поздно вечером, выходя в стельку из паба рядом с работой, Женя освежился слабым ветерком и размялся. Магазин, в котором он каждый раз покупал еду для котов ярко светил в глаза витриной и ослепил Женю, отдавшись головной болью в мозг. Внезапно Женя услышал голос:

— Не будь дураком, все они — яд для тебя. — Женя оглянулся, но никого не было и тут он заметил, козырьком прислонив руку ко лбу, что та же светло-серая кошка около магазина, свернувшись калачиком, мирно лежала около самодельной миски.

«Яд? И кто они-то?»

Из паба вышли покурить люди, в том числе и его коллеги, которые медленной и шаткой походкой начали идти к Жене. Тем временем кошка, грациозно потянувшись, села и как показалось, посмотрела прямо ему в глаза. А затем ее лапа аккуратно начала двигаться вверх и вниз, вверх и вниз, показывая острые длинные даже для кошки когти. Она вылизывала свою шерстку. Коллеги подошли ближе и через секунду уже стояли вплотную.

— Ты куда смотришь? — спросил Виталик и тоже начал вглядываться в угол магазина.

— Да так, просто. — Женя чихнул и продолжил — Как ты думаешь, люди способны телепатически передавать мысли на расстоянии?

— Будь здоров, было бы супер иметь такую возможность.

— А что, если ты просто не раскрыл в себе способность? Ну, хотя бы понимать эти мысли. Слышать.

— Я думаю любой человек смог бы понять мысли другого, если бы они были близки. Есть же такое, когда люди, не говоря ни слов, могут одновременно думать и слышать другого. Но это скорее интуиция. А ты бы хотел такое?

— Я сейчас услышал послание. Из вне. Может даже из космоса. Мне сказали, что какая-то группа людей или что-то является для меня ядом. Может, я особенный? Нет, вот без шуток. Мне реально сказали это на уровне телепатии. Это же круто! А тут никого не было, между прочим.

— Ха, странно. Может ты первый челочек который откроет один из научных секретов. Тебя тогда в Ватикане запрут. Будешь там как экспонат. Но хотя это даже лучше, чем в офисе работать. Есть шанс узнать существуют ли древние инопланетные цивилизации или какие-нибудь страшные религиозные эксперименты.

— Я бы предпочел хранить эту способность в секрете. — Женя прислонил руку к голове и присел на бордюр.

— Ты пьян, пойдем-ка домой. Какой у тебя адрес? — но Женя уже не слушал его. Головная боль чуть ли не за секунду начала бить пульсом по вискам. Кот, переставши лизать лапу, продолжил смотреть на Женю, а затем, когда подъехало такси, он юркнул за магазин.

В такси его преследовала тошнота и жажда. До Домодедовского ехать было недалеко, но дорога показалась ему страшно длинной и мучительной. Водитель то увеличивал, то снижал скорость, отчего Женю стошнило на асфальт почти возле его подъезда. Но дома он почувствовал себя как нельзя лучше. Когда он зашел, Аня уже давно спала, а Маша ждала его в комнате. Она будто и не меняла свое положение со вчерашней ночи. Женя уселся на край кровати и начал гладить ее талию.

— Понимаешь, я беспокоюсь за тебя. Мне кажется, что мы с тобой отдаляемся, ведь ты даже перестал говорить мне, что любишь меня. К тому же мы все чаще ругаемся с тобой, а ведь раньше такого практически не было. Это меня очень сильно расстраивает. — она крутила в руках свой браслет из разноцветных камней, чтобы чем-то их занять.

— Да, я тоже беспокоюсь. Но, я тебе не часто говорю, что я тебя люблю потому, что считаю, что для людей это просто способ выманить деньги, выпроситься на посиделки и так далее. И все придают этим словам слишком обыденное значение, то есть никакое. А у меня не так. Я готов говорить тебе эти слова, но только в особенные моменты, когда я действительно хочу это сказать. Мы давно уже не подростки. Не бери в голову такие мысли. Трудно, конечно, быть одной целый день, но я думаю, что скоро все наладится.

Женя встал с кровати и начал снимать с себя одежду.

— Я тебя поняла, Жень. Я постараюсь больше не расстраиваться. Но все-таки, подростки, не подростки. Какая разница, я просто прошу твоей помощи. Или хотя бы, чтобы ты был со мной. — Маша положила браслет на тумбочку.

После душа, как новенький, но все еще с небольшим головокружением, Женя пристроился рядом с Машей, а затем поцеловал ее в щеку.

— От тебя перегаром несет.

— Я же почистил зубы, не должно же быть так.

— Все равно несет, не хочу я, Жень.

— Ну Маш. — она молчала. — Ну тогда не жалуйся, что ты одинока. Спокойной ночи. — они оба заснули под громкую музыку соседей за стенкой.

Утром голова раскалывалась и от светившего раннего солнца, и от звеневшего будильника. Женя с трудом вставал с кровати, но потом не в силах начать этот день, лег обратно пока сонная Маша ногами не толкнула его в бедро.

Перед тем, как выйти, он оставил ей записку на кухонном столе о том, что завтра сможет поехать с ними на семейный пикник куда-нибудь за Москвой, ведь сегодня был последний рабочий день на неделе. Одеваясь, он услышал, как Аня бежит по лестнице, поэтому быстро схватив все нужные рабочие материалы и зажевав кусочек хлеба с сыром, вышел из

дома. Он хотел, чтобы она по нему заскучала, прежде чем они отправятся провести свой выходной вместе.

Сегодня день начался особенно счастливо. Было предчувствие, что что-то должно сегодня случиться. Несомненно, это будет, ведь предчувствие у Жени никогда не оказывается ложным. Войдя на станцию метро, он увидел солнечные блики, которые падали на лестницу. Он зашел внутрь и успел лишь захватить взглядом проезжающий мимо станции поезд.

«Все-таки, опоздал, — подумал он, прибежав к желтой линии, когда последний вагон поезда проехал мимо его носа. — Следующий прибудет только через две минуты, придётся подождать.»

Около Жени быстро собралась толпа туристов, кажется, из Китая. Китайские иероглифы иногда зачаровывают своей письменной красотой, но речь очень комедийная, будто из какой-то мыльной оперы, поэтому Жене было интересно краем уха слушать, как студенты болтают между собой. Тем временем пронеслось то самое знакомое дуновение воздуха из глубины тоннеля.

«Куда же эти туристы лезут? Им что, в Китае не нравится? Сидели бы там и в ус себе не дули. Ну, зато забавные. Но очень громкие» — Женя в ожидании заглянул в тоннель, из которого виднелись два светящихся глаза и опустил голову. Он вспомнил, что сегодня суббота, поэтому быстро сменил выражение лица на спокойное.

Тут, девушка-китаянка из той кучи собравшихся туристов, вдруг стала негодовать из-за того, что один парень пролил свой напиток на ее белую футболку и стала толкать его в живот, от чего тот навалился на Женю, и от внезапного толчка он упал под быстро приближающийся первый вагон поезда...

Начало

(Вторая ступень)

Сознание лишь на секунду уплыло и вновь вернулось.

Женя чувствовал, как кровь пробегает по всему телу, на секунду останавливаясь в бьющемся сердце.

«Я в метро. Меня спасли?»

Уши не слышали происходящего. Нос не чувствовал никаких запахов.

«Может теперь я останусь инвалидом? Совсем не понимаю, что заставило судьбу повернуться ко мне задом. И вот именно тогда, когда я был готов жить. Хотя...»

Он попытался подвигать пальцем и удивился, что он все еще мог контролировать свои мышцы.

«Если я умер, то почему я все ещё могу мыслить, как живой человек? Или это временное состояние, прежде чем я уйду навсегда?»

Тело продолжало его слушаться, руки и ноги двигались, сердце билось и, что удивительно, ничего не болело.

«Что произошло, когда я упал на рельсы? Я же видел этот чёртов поезд, он накатил на меня всем своим весом. Те туристы, наверное, сильно испугались, увидев мое придавленное составом тело. Нет, я не хочу умирать. И жить так не хочу. Под покровительством несчастья.»

Он ощутил свою белую рубашку, как разорванная ткань шелушиться, а брюки, сильно затянутые ремнем, прижимались к животу и ногам. Он был бос, но остальная одежда казалась тяжелой, как мокрая ткань после дождя.

«А что же будет с тем китайцем, который столкнул меня с перрона? Наверное, я в больнице, раз могу что-то делать. Или все еще в метро... Бедная Аня, теперь она не дожидается обещанной поездки, о которой я написал. Я просто беден на удачу.»

Сквозь закрытые глаза он увидел и ощутил, как яркий свет заливает пространство, в котором он находился.

Женя не полностью открыл глаза, и его сразу же ослепил этот белый свет, отчего ему стало больно, и он обратно их зажмурил. Руками он притронулся к полу и нашел твердую поверхность, как будто лежал на белом кафеле в чьей-то ванне.

«Я определенно напился. Может что-то принял. Героин? Скурил чего? Или меня похитили. Я ведь нихера не помню. Только поезд.»

Он стал потихоньку привставать на колени. Вдруг откуда-то издалека послышался чей-то топот, но глаза полностью открываться не хотели, поэтому только по звуку можно было определить, с какой стороны идёт этот кто-то. Звук был слышен везде, и Женя, как незащищённый щенок в потемках маминого живота, стал искать наощупь хоть что-то знакомое и безопасное. Но как не старался, везде было пусто. Он все-таки смог нормально открыть глаза, но все еще было больно. Тот, кто издавал пугающие, приближающиеся шаги, теперь стоял перед ним. Голова кружилась и все, что видел Женя расплывалось и удваивалось. Он почувствовал, как что-то мягкое, словно кошачья лапка прикоснулось к его плечу, но сразу же исчезло.

— Мужик, очнись! Идем со мной, поговорим. Я Исида Мияно, а тебя как зовут? — он все спрашивал и спрашивал, пока Женя пытался услышать незнакомца сквозь возникший звон в ушах и наконец, разглядеть человека. Когда же он смог хоть немного привыкнуть к белому острому свету, он увидел, что перед ним стоит азиат лет двадцати. Он был одет в белую рубашку, коричневый жакет и немного тусклые поношенные голубые спортивные штаны.

«Это совсем не больница» — он привстал на колени и спросил: — Где я? В знаете, что это за мест?

— Все где-нибудь оказываются. Радуйся хотя бы, что живой пока. Твое тело ещё не умерло, хотя я не могу быть в этом уверен до конца. Кстати, наконец-то ты меня услышал. Приятно познакомиться, я Исида Мияно — он протянул руку.

Женя оторвал свою руку от земли и неловко протянул ее в ответ, а затем огляделся. Вокруг было пустое, бескрайнее ничто. В воздухе завис туман, а сквозь него пробивался белый чистый свет.

— Да, рад познакомиться, но я не знаю, что это за мест. Туман. Здесь страшн — нечленораздельные слова сами вырывались, но смысл начавшегося диалога до него почти не доходил. «Мне страшно, что тут происходит?» — Так, где мы все-тк? У меня голова шатается, помочь.

— Не переживай, это нормально.

— Я не мог понять, с какой сторон в шли. Ка будто эти стороны спллись между собой, и ваши шаги были со всех сторон сразу. — Женя зачарованно и медленно обвел рукой пространство. Он словно был под кайфом, но это чувство ему было неприятно. — Я ч, под кайфом? Вы какой-то странн, откуда?

— Неважно. Откуда я — а кто знает? Поэтому неважно.

Мияно рукой позвал начать путь, но из-за потери координации и головокружения движения стали сложными, а тело тяжелыми и бесформенным. Женя задумался и понял, что он все еще на планете Земля, потому что здесь есть притяжение. И упал, но его вовремя схватил Мияно. Тогда парень решил взять его под свое плечо, пока тот, улавливая частицы трезвости стал слушать дальше, что он отвечал по дороге:

— Да, такое бывает. Ты идёшь на восток, но вдруг ты понимаешь, что ты идёшь на запад, а воспринимаешь запад за восток, хотя на самом деле идёшь правильно на запад. Ты уже потерял в этих лабиринтах.

— Ламбиринт — это сложен — проямлил Женя и опустил голову вниз, а затем снова буркнул — а как выбраться?

— Из лабиринта? Там всего две стороны, и в них нет никаких границ и препятствий.

— А в чём пролема?

— У тебя есть сомнения в истинности. И ты ее не знаешь. Просто потерялся в реальности. А еще люди, идущие с тобой, дают тебе ложную истину, ведь сами не зная того, что это ложь, они заставляют тебя в неё поверить и сами верят, тем самым идя на восток. Но ведь только что правильным путем был запад, хотя до сих пор есть сомнения, настоящий ли это запад и настоящий ли это восток и куда теперь идти? Сомнения будут всегда. А стороны меняются со временем, главное, какую выберешь ты.

— А че, есть какая-то истина? И так кто же знает эту несомненную истину? Че за? — Женя начал приходить в себя и понял, что говорит с незнакомцем с нерусским именем Мияно о всяких глупостях и огляделся.

— Никто. Вот и ответ. Всё идёт своим чередом и все заняты только средствами и путями построения рельсов, чтобы поскорее постичь недостижимое в этом пути, который может оказаться, а может и нет ложным и неправильным. И никто не хочет понять, что стороны всего две и можно с лёгкостью понять, какая из них правильная. Всего то нужно выйти из своей консервной банки и сотворить свою собственную революцию в жизни. Но никто даже не посмеет об этом подумать, ведь это будет считаться выходом из системы, к которой люди так привыкли. Потому, что она и есть тот самый неправильный восток и запад, ведь она манит людей своей лёгкостью. Надеюсь, ты понял, о чем я тебе сказал.

— Ну. — неопределенно ответил Женя, все ещё испытывая недоверие к пространству и времени, в которых оказался. — Но я все же не уверен, что понял вас до конца. Вы уж меня извините, я не местный, где мы?

— Давай отойдем от формальностей? Ты, кажется, не старше меня. Здесь уже неважно, как ты обращаешься к другим. Просто забудь про это.

— Базара ноль, но все это очень странно.

— На самом деле я тоже не знаю, где мы находимся, хотя должен бы. Человек без дома уже не человек, ведь без всякого общения, с такими же, как и он, теряется вся сущность и смысл человеческого рода. Наверное, кто-то хочет нам подсказать, что это место станет нашим и уже здесь произойдёт цивилизация, когда мы друг друга найдём. Найдём за что зацепиться. Но быть уверенным в чем-то всегда — тоже неправильно. — С небольшой обидой произнёс Мияно.

— Я тут по случайности оказался. Меня сбил поезд, когда я стоял рядом. Меня толкнул какой-то тип в метро. Мы че, в месте распределения в рай?

— А этот человек не желал тебе смерти? Ты что-то ему сделал? Может, в этом замешана мафия? У тебя были большие задолженности?

— Нет конечно. В России в двадцать первом веке? И мафия?

— Ого, Россия. Издалека значит.

— Это получилось случайно. Он был туристом из Китая и со своей группой куда-то направлялся.

«Я не успел заметить, как его толкнули, а затем, как последняя фишка домино, я упал на рельсы. Просто не удержался. Жестоко. Просто дерьмо»

— Интересно! Но судьба не бывает так просто жестока с людьми. По любому она за что-то проложила тебе путь сюда. Только тебе надо самому распознать, почему это случилось.

— Так я все-таки умер?

— Я тебе не бог и не ангел, я такой же человек, как и ты, просто я уже давным-давно понял, что с моей жизнью было не так.

— Получается, со мной тоже что-то не так? Я, конечно, не завидовал бы своей жизни, но, чтобы умереть и попасть сюда? Это ошибка матрицы. Какая-то слишком нелепая смерть — задавило поездом в метро. Хах.

— Я был одним из тех, кто работал в нефтяной компании. Крупно поссорился со своей женой, и мы расторгли с ней брак. — Мияно начал говорить как по скрипту, будто он рассказывал про свою печальную жизнь много раз. Или как школьник, которому осточертело повторять один и тот же стих из конкурса в конкурс. — Все было хорошо, пока она не позвонила и не сказала, что забеременела. Было бы смешно рассматривать, будто это было последствием романа со стороны, поэтому мне ничего не оставалось делать, как платить ей алименты потому, что я понимал, что необходимость жить вместе из-за общего ребенка, вовсе не является любовью. Если в отношениях людей будет определённый смысл, то он может в любом случае пропасть, нежели чем отношения, которые притягивают людей неосознанно, с какой-то загадочной целью.

— Красивые слова говоришь. Пока меня не столкнул с поезд, я пообещал семье съездить на пикник. Ну, или около того. Надо выбраться отсюда и домой пойти. Маша будет меня ждать...

— О-о, дружок, ты отсюда не выберешься. Может это тебе и удастся, но многие даже не пытаются. Без толку. Раз ты вспомнил свою семью, находясь в таком небытии, то она тебе, видно, очень дорога.

— Конечно... Ссоримся, живем, дочерью занимаемся. Но это явно не твой случай. И все же я почему-то умер, и ты видимо тоже. Несправедливо как-то. И я тебе не верю. Ты очень странный. Я думал, что рай выглядит немного иначе.

— А ты думал, что тут будут облака, Иисус покажет тебе дорогу до нового дома? Или какая у тебя там религия? К тому же очнись. Это не рай. Я сам не знаю, как он выглядит. А впрочем, даже и не хочу.

— Я, конечно, был бы рад, чтобы меня хлебом и солью встретили, но так рано уходить из жизни... Особенно не по своей воле. Не честно.

— Слушай. Это не мои проблемы, что ты якобы не по своей воле попал. Я, конечно, встречал здесь таких людей, но все-таки было и не мало тех, кто врал. Мне нужно тебе помочь. И все. А ты уже сам решай потом, куда пойдешь и че будешь делать. Здесь мне может быть плевать на все и всех. Мне никто не скажет, что я плохой. По крайней мере искренне.

— И куда ты меня ведешь? Ты даже не объяснил, где мы.

— Сам все поймешь. Я устал быть личным психотерапевтом всех этих болванов, которые сюда заявляются. Плачутся, хотят вернуться или меня начинают обвинять до кучи.

— Я думал, ты добрый.

— Добрый. Добрый... Но меня это достало.

— Так будь злым.

— Не могу.

— Почему?

— И рассказать тоже не могу.

«Просто ужасное начало моей жизни после смерти. Отлично. Как выбраться отсюда?!»

Тут Мияно резко встал и начал вглядываться в туман, отчего Женя чуть не сполз с его плеча. Этот разговор был очень странным и мало того, что Мияно нес его за плечо в неизвестном направлении, так еще и это странное поведение. Вдалеке опять послышался чей-то голос, но уже женский и он точно звал не его.

— Исида Мияно! Мияно!

— Ой, прости, кажется, мне пора. Мы обязательно как-нибудь снова увидимся, если ты найдешь меня, хотя сомневаюсь. — Мияно убрал руку и не дав ничего понять, направился вперед, не оборачивая головы.

— Но ты же только что обещал помочь. Или я тебя бесил? Ты куда?

— Сам разберешься!

«Или может это мое видение, и я ошибся? Вдруг этот Мияно мне привиделся?»

Он побежал вслед за голосом, который безостановочно звал его вглубь бесконечного ничто, оставив Женю одного со своими мыслями. Он, успокаивая себя тем, что найдёт выход из этого незнакомого места без его помощи, выравнивал дыхание и выпрямил спину.

Он уже привык видеть этот ослепляющий яркий свет и смог разглядеть детали нового мира, в котором, как оказалось, он мог думать, понимать, разговаривать, ходить, правда, не очень хорошо, и дышать обычным, ничем не пахнущим воздухом. Хотя странно, что он ничем не пах, ведь в жизни было полным-полно запахов: запах от кондитерской, парфюм, стиральный порошок, нечистые носки, пот от уставших коллег, вечно жалующихся на жизнь, табачный дым, выхлопные газы машин. А запах цветов, которые он любил дарить в праздники Маше и её подруге Свете, которая частенько любила заходить к ним в гости и играть с Аней, пока Женя и Маша проходились по торговому центру! А еда? Запах жареной картошки... Запах аквариума Ньюши и волос Маши. Куда все так внезапно исчезло? Просто в никуда.

«Наверное, они никогда больше не смогут меня увидеть. Может, когда Аня повзрослеет, Маша расскажет ей, что со мной случилось. Правда, не думаю, что она на такое будет способна. Я не представляю, как ей тяжело будет воспринять тот факт, что любимого человека в секунду размазало по рельсам, и теперь его больше не будет существовать в ее жизни. Мне охренеть, как страшно. Почему меня взяли и кинули так просто? Что вообще за шутки? Хотя, может не все так плохо. Я во сне...»

Женя попытался собраться с силами идти дальше, чтобы найти, наконец, выход и аккуратно встал, стараясь сохранять равновесие. Потихоньку начиная свой путь, он пошёл в сторону, где ранее был слышен голос, позвавший Мияно с неизвестной целью. Пройдя чуть дальше по его шагам, он стал всматриваться, куда и с кем пошёл тот незнакомец, но никаких признаков живого движения после того, как тот скрылся в тумане, он так и не заметил. Женя не терял надежды и продолжил искать то, чего и сам не знал. Единственной целью, ради которой он встал, было снова увидеть родную Москву, кровать и бесящий будильник. Тело ощущалось и память никуда не пропала, а значит, жить можно. Но жил ли он?

В паре метров что-то светило. Появились огни. Было похоже на тот самый поезд, который настиг его во мгновение перед появлением здесь, но огни не шевелились. Женя решился пойти к ним и наконец, когда в поредевшем тумане он заметил силуэт двух фонарей и рядом стоящего с ними знакомого магазина, где покупал кошачий корм, он, едва не запнувшись о ноги в слабом состоянии, медленно и уверенно двинулся туда. Пусть он и был во сне, но, когда, ходивши несколько часов в пустом тумане он увидел свет, как ночной мотылек, Женя прилип взглядом к стеклу, сквозь которое видел манящий уют чего-то поистине родного в этом глухом пространстве без людей. Ничего необычного в нем он не нашел. Магазин, Москва. Он дома. А этим туманным гушам легко найти корень. Как и его состоянию, немного шаткой походке, голосу, словам и восприятию. У любого состояния организма человека есть предел.

Автоматические двери открылись, и Женя упал на пол, но быстро поднялся. Он прошёл вглубь мимо знакомых глазам товаров и взял тот же самый пакетик корма с полки, что брал буквально позавчера, после работы. Странно, что он чувствовал предметы в руках, словно наяву. Как кожа касается товара, как глаза поворачиваются и смотрят на полки. Он наслаждался сном, который мозг преподнёс ему в этот раз.

Ему редко снились сны. Оттого, наверное, этот стал таким красочным и правдоподобным. Но не покидало сомнение, что здесь все ощущалось очень привычно и дело было не только в тяжелом теле или детализированных предметах. Мысли. Исида Мияно так отчетливо

произносил слова и притом те, которые он сам не смог бы интерпретировать в жизнь. Будто в его сне появился посторонний со своим складом ума и размышлениями. Все это было очень странно и даже страшно. А вдруг это и не сон... Женя слегка смял пачку корма и бросил ее на пол, чтобы проверить физику на фальшивость, но смятая пачка с обычной скоростью полетела вниз и негромко шлепнулась на пол. Женя взял другую пачку и бутылку воды. Не удержавшись и разом выпив все пол-литра, он пошел к кассе.

— Можно еще сигареты?

«Протрезвиться не помешает».

Тишина.

— Прошу прощения? — но ему никто не ответил.

И тогда Женя поднял глаза. За кассой стоял не человек, а манекен в одежде сотрудника магазина. Он не сразу заметил отличие и немного испугался резкого осознания, что в магазине он был совсем один. Женя с осторожностью зашёл за кассу, подумав, что манекен тут же набросится и взял обычные «Мальборо» и только потом, почувствовав пустые карманы, понял, что у него совсем нет денег, да и сумки в руках, с которой он был прежде тоже. Он всмотрелся в шею манекена и увидел производственную надпись: MALIKOV — INDUSTRIES. Это была одна из старых моделей, которые производила компания, где он работал.

«Так, спокойно, это всего лишь манекен. Что он может мне сделать, если я убегу, не заплатив? Он же не побежит за мной, так ведь? Наши манекены не имеют души. Особенно если представить, кто их производит.»

Женя вышел из магазина, поминутно оглядываясь по сторонам. Он чувствовал, что кто-то за ним наблюдает. Он здесь чужак. Это место всячески напоминает ему, что он не жилец. Это не его дом, туман теперь стал обителью его души, поселившейся здесь после смерти.

Пройдя несколько метров, он зашёл за угол магазина и увидел знакомую картонную коробку, а рядом с ним кошачью миску, сделанную из банки морской капусты. Снова душа почуяла родные окрестности. Небо начало темнеть, напоминая о земном повороте планеты вокруг солнца.

«Тут тоже есть небо, но это, наверное, имитация. Бред какой-то. Я точно во сне».

Вдруг из-за угла раздалось что-то похожее на писк, и он посмотрел вниз. Всё та же серо-белая кошка стремилась примкнуть к его ногам, чтобы выпросить немного еды. Он сел на корточки, выдавливая массу из пакетика и выбросил его в урну, а затем достал пачку сигарет. Он хотел бросить и курил только на работе, чтобы никого не обижать. Машу или Аню. Они обе не любили этот запах. А когда куришь сам, он не чувствуется. Зато сладкий дым проникает в легкие...

Одна, вторая. Мысли улечиваются, а мозг отдыхает и переносится в другое измерение, хотя, куда уже дальше этого...

— Я не жалею никого. Работа хлещет тебя по щекам, и ты достаёшь сигарету, чтобы удовлетворить свою потребность в моментальном счастье. — От неожиданности зажигалка упала на землю, и он увидел того самого старика, что недавно твердил о милосердии. Женя только смог сказать:

— А?

— А? А люди презрительно смотрят на тебя: почему он курит, по нему видно, что на сигареты еле хватает, лучше бы эти деньги на пользу потратил. А ты, чувствуя свое унижительное положение, хочешь достать свой невидимый пистолет и направить себе пулю в лоб, но, как назло, надо работать.

— Извините, я не понимаю, что вы хотите сказать. Что вы здесь делаете?

— Конечно, не понимаешь, ты ведь ещё совсем зелёный. Ты росток, которого могут задавить в любой момент, сказав тебе всего одно слово, которое значит для тебя все, а для других — абсолютно ничего. Правда, разум человека удивителен, ведь он может привести к любому исходу человеческой жизни. Сентиментальности.

— Вы же не мертв. Или только что... — Женю перебил бездомный:

— Все эти бессмысленные разговоры! И действия... Они представляют основной смысл отношений людей, кем бы они друг другу ни приходились. Но только одно связывает их души — добро. Только добро может излечить душу израненного. Только добро искупит зло, которое совершил человек. Ты так и не понял, что милосердие — это основа человечности и никогда не поймёшь, потому что это тебе не присуще.

— Я милосерден. Глупо считать, что это не так только лишь потому, что я не спас твоего кота!

— Страдай! Страдай за нас! За всех. Ты выбрал этот путь — так будь добр, страдай. Только это изменит твое животное нутро, постепенно поглощающее твой мир, пока не наступит его конец. Страдай! — и это слово ещё несколько раз повторилось эхом и улетело куда-то вглубь пространства. Старик начал исчезать в тумане.

Женя в недоумении смотрел, как магазин, вместе с кошкой и стариком медленно превращаются в призраков. Сигарета сама собой от горящего пепла до фильтра стала сжигаться еще быстрее и последнее, что он услышал, было «мяу».

Ничто. Он опять остался в нем один.

«Я ничего не понимаю. Я как гребаный ежик в тумане. Че это вообще было, откуда он появился?».

Небо снова стало ослепляюще ярким, и Женя зажмурился, угадывая руками пол. Он не хотел больше куда-то идти. Если все в итоге затягивает туман, зачем что-то искать.

«Страшно идти вперед. В любом случае, если я ничего не предприму сейчас, то ничего не изменится, сделав я что-то потом... Или это заблуждение? Но тот парень... И бездомный дед. Они ведь... Кто они вообще? Проекция из моей головы... Или вообще призраки этого места. Смогу ли я вернуться?» Смерть бывает жестокой, но жизнь еще хуже. А здесь, находясь между молниеносной смертью и прошлым, где управлять можно только лишь телом, ничего хорошего от головы получить не ожидаешь. Женя сел на бетон. Мысли все не заканчивались. Он представил, что сидит на траве и что ночное небо накрывает его тьмой. Успокаивающе. Медленно уходящее в унисон сознание. И правда, пытаясь нащупать руками холодный бетон или землю, он наткнулся на мягкую, словно перину, траву, но не стал открывать глаза, чтобы не испугаться новой проекции. Трава усыпляла. Ветра здесь не было, но только небольшой холод, не давал сознанию упасть на него. Пугало то, что люди в этом месте — не частое явление. Только даже людьми их сложно назвать — появляются из ниоткуда, исчезают в тумане, говорят лишь какими-то заумными словами, словно сумасшедшие, помешавшиеся на психоанализе чужих жизней.

«Кто-то может и желал мне смерти, но разве я заслужил ее? Что я такого сделал, чтобы меня отправили сюда? Я неплохой человек. Я знаю, что не мог стать настолько хорошим, чтобы отправиться в рай. Но в раю ли я? Вряд ли. Это даже на ад не смахивает. Туман. И все. Хотя кто я такой, чтобы решать, что для меня будет идеальным наказанием. Глушь без людей. Вполне себе тянет на ад. Даже если тут они есть. Но все-таки это уже не мой дом. Для этого места я прозрачный и уязвимый. Может мне вообще не стоит двигаться? И тогда я выберусь. Или тот Мияно, хоть кто-то мне поможет...»

Вдруг по спине пробежала дрожь. Он почувствовал чье-то ласковое прикосновение руки. В это время женский голос окликнул его по имени, и Женя вздрогнул. Заслезившиеся глаза успели заметить силуэт знакомого платья, и он с надеждой назвал имя, но, когда глаза полностью открылись, он увидел лишь туманное пространство, пол которого был весь покрыт травой. Голос так неожиданно появился, как исчез.

«Я уверен, что это была Маша, я не мог так просто ошибиться, я слышал её голос. Отчётливо!»

Оглядываясь по всем сторонам, Женя встал и аккуратно начал идти вперед, выбрав случайное направление. Трава под его ногами топталась и оставляла следы, а воздух будто стал легче. Он не останавливал движения и чувствовал, будто сможет догнать тот появившийся перед глазами силуэт. Женя не видел его, но понимал, что где-то тут, совсем недалеко Маша пытается вызволить его из этого странно сна. Вдруг перед ним высветилось что-то черное, но Женя не заметил и когда наткнулся на обрыв, то чуть не упал в черную бесконечную пропасть... Пульс участился от страха и от осознания, что он мог во второй раз погибнуть, если это могло случиться. Легкие словно всасывали воздух, сердце облокачивалось о стенки ребер. Черная мгла смотрела ему в душу. Он ошибся. Это было ложью.

«Я был прав, это место просто опасно. Меня выманили знакомым голосом в ловушку.» — Женя заглянул внутрь бездонной черноты, чтобы рассмотреть дно и отстранился. Дна не было. Голова слегка закружилась от увиденного. Внезапно неподалеку появилась такая-же черна дыра, и она потихоньку приближалась к нему, но и та, в которую он чуть не провалился, начала будто бы расширяться и подкрадываться. Женя хотел ринуться от них вперед, но чуть отойдя от своего прежнего места, упал в третью дыру. В глазах потемнело, а телу стало холодно и неприятно, но Женя ощутил слабость и резкое отсутствие опоры под ногами, как если бы

прыгнул с парашютом и испытывал земное притяжение. Но парашют за спиной вряд ли бы спас: не было гарантии безопасности, ведь от этого места можно было ожидать чего угодно.

— Жень. Когда мы уже прилетим?

— Потерпи. Всего-то час остался.

Аня сидела на коленях у Маши и болтала ногами. В руках у нее была маленькая мягкая игрушка в виде лягушки. Даже в возрасте трех лет она отчаянно и четко на протяжении двух месяцев просила завести лягушку, но родители купили ей не настоящую. Но она верила, что в скором времени ей удастся удовлетворить свое желание, поэтому не расстроилась и стала вести себя прилежно, чтобы на следующий новый год точно завести домашнее животное.

Вдруг самолет начал дрожать и Маша, сидя около окна вместе с Аней, увидела, как кончики крыльев самолета плавно ходили то вверх, то вниз и ей стало страшно. Волнение перебралось в желудок и руки начали дрожать.

— Ты чего? — спросил удивленный Жень.

— Да я... — ее перебил голос капитана самолета:

— Уважаемые пассажиры, мы находимся в зоне турбулентности. Прошу вас не покидать свои места и пристегнуть ремни безопасности. Повторяю: мы находимся в зоне турбулентности. Прошу вас не покидать свои места и пристегнуть ремни безопасности. Спасибо за внимание.

— Ты боишься самолетов?

— Да...

— Ну. До Турции на поезде не доберешься. Если что какую-нибудь валерьянку там в аптеке купим, когда назад поедem.

Жень взял Машу за руку и таким образом в молчании они долетели до Стамбула.

Когда самолет начал опускаться вниз, тело будто приподнялось и стало легче. Жень отцепил ремень безопасности и оказался в невесомости. Все стаканы, журналы, наушники, плюшевая лягушка Ани начали плыть по воздуху. Люди начали расплываться, а за окном исчезал аэропорт и сам город с мечетями. Вдруг капитан заявил:

— Уважаемые пассажиры, самолет идет на посадку. Пристегните ремни безопасности. Спасибо, что выбрали нас!

Жень начал падать и сам будто стал призраком. Сначала он пересек пол пассажирского борта, затем багажное отделение, где увидел среди чужих чемоданов свой синий, обернутый в пленку и оказался в открытом воздухе.

Он закрыл глаза и через несколько секунд свободного падения ногами почувствовал твёрдую холодную поверхность. Но больно не было. Без ботинок своими ступнями он понял, что упирается в чёрный асфальт. Дорога. Новая проекция.

«Я будто часть театра, который показывает представление о моей жизни. Где бы я не оказался, главным героем с отличительными чертами характера будет кто-то другой. А я лишь зритель. Это место похоже на театр. Когда ничего не происходит — меня пытаются перенести на другой спектакль с уже готовыми декорациями. А я лишь смотрю на происходящее. Таким обычно предстает мир в глазах умирающего. Ты только видишь свою жизнь. Но ничего не можешь с этим сделать.»

Дорога. С белыми полосами посередине. Это был его город. Улица Москвы. Улица, на которой он жил. Только люди в ней не подавали признака жизни. Это были копии манекена, у которого по ошибке Женя попросил сигареты. Они были одеты в разные платья, брюки, футболки. Прямо как обычные люди. Будто смеясь над концепцией жизни, они совсем не двигались, отчего у Жени на коже ходили мурашки, когда он проходил мимо них. Копии были и в витринах разных обувных и одежных магазинов, где когда-то стоял шум, за прилавками рынка, в автомобилях, которые выглядели, как новые и даже на лавочке копия какой-то парочки держалась за пластиковые руки друг друга.

На улице было тихо, а воздух был чист, чего нельзя было ожидать от настоящего города, дороги которого едва ли не на каждом метре были заполнены разными легковушками, мотоциклами или большими грузовиками. Ноги наконец оторвались от асфальта, и Женя решил обследовать очередную проекцию. Расположение мусорок, до верха наполненных стаканчиками из-под кофе, залежавшаяся попка буханки, которой обычно кормили голубей возле ларьков, и даже вывеска «Почта России» слегка наклонно смотрела на прохожих. Почти точная копия. Это вселяло небольшое сомнение, но Женя шел вдоль пустынной дороги и оглядывался по сторонам, так как понимал, что дом находится далеко.

Этот добрый кусок улицы может исчезнуть, как и магазин около работы среди густого тумана. Теперь верить глазам опасно. По крайней мере пока не достигнут врасплох собственные инстинкты. Живот заурчал, ведь утром, когда еще был жив, он съел совсем немного, потому что спешил покинуть квартиру. Пугала тревожная мысль, сидевшая где-то далеко в подсознании, что на самом деле он покинул свой мир навсегда. Некоторые дома немного отличались от того, как их представлял Женя в своей памяти, но скорее такой феномен был обусловлен неестественным светом, который охватывал этот незнакомый мир иными цветами. Блеклое солнце было намного меньше обычного, от того думалось, что Женя оказался на другой планете или даже в другой вселенной. Может этот солнце было нормальным с точки зрения тех, кто живет здесь. Но раз ему повстречались люди, такие же, как он, может и правда тело осталось на рельсах, а не ускользнуло от смерти в другое измерение. Или люди не являлись живыми существами. Может мозг так насмехается над Женей и окончательно свихнувшись от удара поездом, придумывает этот мир. Или нарочно пытается его напугать, чтобы он проснулся.

Как бы то ни было, Женя надеялся, что спит, поэтому зайдя в продуктовый магазин, он решил проверить, утолит ли он голод в этом мире, придуманный мозгом или богом. Двери открылись. Хлынул вкусный запах хлеба. На секунду Жене показалось, как что-то быстро про-

мелькнуло и спряталось в витрину с мясом. Женя подошел к этой полке, но там никого не было. Он взял одну упаковку курицы и, повертев ее в руках, увидел дату изготовления.

«Так и думал»

Здесь вся еда была свежей, и Женя решил съесть готовый дорогой говяжий стейк, а затем и выпечку, запивая ее водкой. Тело постепенно начало нагреваться, а ненастоящий мир плыл в глазах.

«Ненастоящий. Не стоящий моих страданий, но стоящий всегда впереди меня» — подумал Женя и сел на пол.

Вышедшая за пределы разума, данная картина не позволяла понять суть его наказания. Если здесь нет людей, но есть все, что ему необходимо для выживания — то, чего от него хотят?

«Но как бы не отыгрывать роль короля в этом спектакле, одиночество — есть то, от чего стоило отвернуться лишь на некоторое время. Я же понял, что королевская кровь — не моя стихия. Я не предпочитал одиночество власти. Мое желание иметь власть только над собой. Не над миром. И за что я сейчас плачу? Каким боком я бы не повернулся, мне всегда кусали. Моя юдоль разве должна быть жестока настолько, оставив меня на пустом полу? Отпустите.» — пульс участился.

— Отпусти меня! — вслух закричал он.

Женя еле поднял руку с пола и разбил бутылку. Крошечный осколок стекла попал ему в колено, проделав маленькую дырочку в штанине. Но он этого не заметил. Затем он взял другую бутылку. Злость закипала в висках. Вены вздулись, а кожа лица покраснела.

— Отпусти! — разбилась витрина с молочными продуктами, — Меня! — полетели осколки в мороженное и ягоды, — Домой! — от бутылки в руках осталось только горлышко, и Женя запульнул ее в соусы.

Смотря на весь бардак, который он устроил, Женя с опечаленным видом вышел на улицу. Точка в колене, в которую прилетел осколок, начала кровоточить, и струйка оставила пятно на штанине. Тогда Женя заметил ее. Тонкой линией она протекла по ноге и резко остановилась. Жене показалось, что его тело обрело способность к быстрой регенерации, но подняв штанину, он задел рану и кровь снова начала бежать.

На улице по-прежнему стояли манекены. Никто не позволил себе выйти из второстепенной роли.

Здесь Женя главный персонаж, который единственный в своем роде знает, чего ему хочется и делает это. Они остаются на том же месте. Не завидно. Утопаешь в единственном кадре. Смотришь в один и тот же угол. Но зато не умираешь. Хотя манекены никак не отличались от него. Квартира, в которой он жил, работа, то, что свободных людей никак не задерживало, его обычно останавливало. Несчастный кадр не сменялся, хотя мог и так просто. Теперь здесь не повидаешь рассветов и закатов своей жизни. И даже промежуток этих несчастных начинаний и концовок.

Он зашел в магазин с одеждой и в примерочной, когда надевал на себя очередную вещь, внезапно слышал какие-то звуки. Он был пьян и так рад, что больше не видит этого блеклого тумана, что забыл о том, где находится. Женя шаткой походкой вышел из примерочной, навесив на левую руку вельветовый пиджак, чёрные штаны и пошёл на кассу. Никого не было, но звук его сильно смутил. Оборачиваясь назад, он увидел, что на полу лежит вешалка, которую он неровно повесил на крючок и волнение исчезло.

Представляя, что разговаривает с человеком, он обращался к манекену:

— Подскажите, какого размера эти штаны? Неужели я потратил столько времени, надевая на себя совсем не подходящую мне вещь? — Но манекен стоял неподвижно и созерцал собеседника пустым лицом без губ, без носа и рта.

— А где можно взять такие же, только чуть поменьше? Я в этом магазине впервые, но он выглядит так, будто сделан по американскому образцу, я хвалю, тех кто заслужил это за свою работу. Впрочем, до моего рейса в Штаты я бы хотел купить себе эти штаны и пиджак. Вижу, у ещё одного вашего сотрудника есть желание ознакомить клиента с модой. — он показал рукой на манекен, стоящий около отдела с женскими сумками слева от витрины, и направился к нему, попутно смеясь всему этому абсурду, в котором участвовал.

— Здравствуйте, мадам. Мне бы хотелось купить штаны, что я держу в руках, но дело в том, что они мне широки. Не могли бы вы меня провести в тот отдел и подобрать для меня идеальный размер? Скоро я улетаю в Штаты и мне необходимо выглядеть на все сто. — Он взял под руку сотрудницу и прошёл с ней вдоль магазина к нужному отделу и после того, как немного поговорил, пошёл обратно на кассу, взяв другие штаны.

— Ладно, спасибо, приятель, ты меня выручил, эта девушка была просто шикарна. — и похлопал по пластмассовому плечу своего нового друга, от чего тот чуть не упал на пол. Но, прежде чем манекен столкнулся с полом, издавая громкие звуки, он успел поставить его в исходное положение. Женя вышел на улицу и присел в новом костюме на ступеньки магазина. Увиденное не впечатляло. Все было на своих местах, как и несколько минут назад и пьяное веселье перешло в гнев.

«Если меня хоть кто-то услышит»...

Он так громко закричал, что уши заложило, а когда голос стал хрипеть, звенящая тишина оглушила его сильнее. Голова начала болеть от выпитой водки.

Он был один и даже если он избавился от тумана, вряд ли манекены составили бы ему хорошую компанию.

Зайдя во двор спального района, Женя все ближе и ближе подбирался к своей квартире, представляя, что после того, как откроется дверь, он увидит Машу и Аню вместе с её любимой лягушкой. Двор был вязким и грязным, лифт поднимался слишком медленно, а подъезд будто стал длиннее. И вот дверь. А под ней мусор соседей... Ну как же без него.

— Маша! Я дома!

Тишина.

В прихожей все так же стояли два почему-то мокрых зонтика, люстра на потолке была грязновато-желтого оттенка из-за того, что она досталась им от прошлых хозяев, которые любили хранить антикварные вещи прошлого века. На полу лежал коврик, немного покрытый пылью, а под ним виднелся краешек не выцветшего деревянного пола. На стене слева от входа постоянно тикали часы, но здесь время будто остановилось. И уже было неважно, когда пойдёшь на работу, когда сядешь ужинать вечером, когда встанешь или ляжешь спать. Когда вернешься... Никто не будет ждать. Стрелки остановились, и теперь время делится только по смене проекции.

«Никого нет дома»

Если подумать, что с людьми делает время? Его всегда не хватает. Они стараются плыть против течения, которое в конце концов все равно утянет их на дно. Они постоянно пытаются взобраться наверх, понимая, что все равно съедут вниз и больше никогда не достигнут вершины.

«Я один»

Вера во все и в ничто, в мир и войну, в бытие и небытие, в добро и зло, в правду и ложь. Разве все это имеет смысл, когда человек потерялся во времени? Разве имеет смысл теперь быть кем-то, ведь никого уже нет. Просто пустые взгляды, которые можно увидеть везде. Неживые. Мертвые взгляды.

«Я никогда не вернусь?»

— Да что это за дерьмо? Зачем мне это видеть, что ты хочешь от меня добиться?! Я уже один! Этого достаточно для наказания? Где ты, демон? Или Бог?

Эти манекены никогда не смогут понять, что такое жизнь. Они никогда тебя не оскорбят и не осудят, никогда не похвалят, никогда не защитят, никогда не порадуются за тебя. Так в чем смысл тогда жить в такой реальности?

«Господи, сколько уже времени прошло? Всего часа два? А я уже с ума схожу.»

— Верни меня обратно! Верни!

Больше не надо скорбеть о том, что забыл кого-то. Люди — источник всех проблем. Можно вечность делать то, что всегда запрещали. Можно не ходить на работу и есть то, что тебе хочется, не боясь потолстеть, ведь худой ты или толстый, это уже неважно. Можно не платить за проживание, ведь эти дома пустуют, как дикая Саванна в Африке, где кругом песок и твои мысли. Можно забыть о правилах, законах и правах, ведь они сделаны для людей, которых больше нет.

— Пожалуйста!

Можно просто существовать, как угодно, и быть кем угодно. Но в итоге став таким же бесчувственным манекеном.

Женя оглядел кухню и пошёл дальше по коридору, надеясь найти там то, что не было частью этого мира. Прежде всего он зашёл в свою комнату, но здесь обстановка была обычной. И чёрные носки так же свешивались с края кровати, и египетская статуя кошки смотрела на него ехидно, с картины над кроватью, и даже пылесос, который он оставил у себя тем утром, стоял неподвижно в углу и ждал, пока его включат и пройдутся с ним по всем коврам. После этого он зашёл в комнату Ани. Женю охватило волнение. Перед ним появился маленький манекен, сидящий в ее повседневном детском платье. Так же, как и все другие, виденные им до этого, он был неподвижным и пустым безучастным лицом что-то рассматривал. Женя увидел на полу разбросанные листы бумаги и мелки. Он взял лист, разрисованный всеми цветами, и начал вглядываться. На нем было изображено небо, трава и семья. Все они улыбались красными мелками. Рядом с ними была корзина с едой, и Женя понял, что пыталась нарисовать Аня после его ухода. Это был их предстоящий пикник и, видимо, она его очень ждала. Ведь он постоянно был на работе и не мог уделить ей достаточно внимания, хотя она так в нем нуждалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.